

Призрак, бар на верхнем этаже, казалось, был отделен от оглушительного шума внизу целым миром. Это пространство было спроектировано как закрытая зона для избранных членов клуба, а комната для курения сигар считалась здесь самым роскошным и укромным уголком.

Плотные темно-фиолетовые бархатные шторы были задернуты наглухо, полностью отсекая неоновые огни города и суету ночной жизни. Звукоизоляционные материалы поглощали все внешние шумы, и в помещении стояла такая тишина, что был слышен лишь слабый гул системы кондиционирования. Воздух был пропитан терпким ароматом выдержанного табака, смешанным с запахом дорогой кожи и натурального дерева.

Хо Чжао в одиночестве утонул в огромном итальянском диване, на котором могли бы с комфортом разместиться трое или четверо.

Он не стал включать основной свет. Лишь торшер в углу отбрасывал мягкий желтоватый отблеск, очерчивая половину его фигуры, в то время как вторая половина тонула в глубокой тени. Это придавало его красивому, но холодному профилю некую загадочность. Длинными пальцами он вертел незажженную сигару Cohiba Behike, бездумно перекаывая дорогой табачный лист.

Тук-тук-тук. Тихий стук в дверь нарушил безмолвие.

— Войди, — голос Хо Чжао прозвучал низко и отчетливо в пустой комнате.

Дверь приоткрылась, и ассистент Чэн Фэн бесшумно вошел внутрь. Остановившись в нескольких шагах от дивана, он слегка склонил голову:

— Господин Хо.

Хо Чжао не поднял головы, его взгляд по-прежнему был прикован к темно-коричневой сигаре, словно он любовался предметом искусства.

— Говори.

Чэн Фэн, давно привыкший к лаконичности своего босса, ровным и четким тоном начал доклад:

— Что касается ситуации со студентом Фан Синхэ. Согласно вашим указаниям, позавчера во второй половине дня мы отправили ему сообщение с предложением о высокооплачиваемой подработке переводчиком от имени менеджера отдела кадров компании Цимин Технолоджи. Причина приглашения, информация о компании, описание обязанностей и размер вознаграждения были изложены в точном соответствии с планом.

Он сделал паузу и продолжил:

— Фан Синхэ ответил примерно через полчаса после получения сообщения. Ответ был похож на тот, что он дал, когда отказался от ручки, но еще более лаконичный. Он поблагодарил компанию за доверие, но тут же сослался на приближающиеся промежуточные экзамены и большую учебную нагрузку, заявив, что не сможет гарантировать качество выполнения проекта, и прямо отказался от предложения. Формулировки были вежливыми, но тон... крайне решительный, не оставляющий места для переговоров. После этого ответа он не предпринял никаких попыток связаться с нами.

Закончив доклад, Чэн Фэн подал вперед телефон с открытой страницей переписки, но Хо Чжао даже не взглянул на экран. Он лишь едва заметно, почти неслышно хмыкнул, показывая, что принял информацию к сведению.

В комнате снова воцарилась мертвая тишина. Чэн Фэн затаил дыхание, ожидая дальнейших указаний.

Он чувствовал, что настроение господина Хо сейчас далеко не такое спокойное, как кажется на первый взгляд. Это было затишье перед бурей, скрытое подспудное течение, которое пытались подавить силой.

Прошла целая минута, прежде чем Хо Чжао медленно поднял руку и небрежно махнул ею в сторону Чэн Фэна. В этом жесте сквозило едва уловимое раздражение.

— Понял. Можешь идти.

В его голосе по-прежнему не было явных эмоциональных колебаний, но Чэн Фэн чутко уловил нечто необычное, скрывающееся за этой еще более краткой, чем обычно, командой.

— Слушаюсь, господин Хо.

Чэн Фэн больше не проронил ни слова, почтительно кивнул, развернулся и бесшумно покинул комнату, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Щелчок замка прозвучал тихо, но для Хо Чжао это было подобно удару тяжелого молота по сердцу.

В сигарной комнате снова стало невероятно тихо, казалось, можно было услышать, как пылинки оседают в столбе света. Хо Чжао замер в прежней позе, долго не шевелясь.

Наконец он поднес дорогую сигару к носу, закрыл глаза и глубоко вдохнул.

Насыщенный, сложный аромат табака с нотками ореха и какао наполнил его легкие. Это должно было принести утешение и помочь сосредоточиться, но сейчас лишь вызвало неприятную, чуждую ему рябь в душе.

Это не был чистый гнев. Гнев был для него слишком примитивной и энергозатратной эмоцией — он давно привык действовать более хладнокровно.

То, что терзало его сейчас, было чувством гораздо более сложным — отчетливое ощущение поражения, смешанное с досадой от того, что его проигнорировали, словно столкнувшись с невидимой преградой.

Он, Хо Чжао, молодой глава корпорации Хо, вершитель судеб, с юных лет стоящий на самой вершине социальной и финансовой пирамиды. Он привык к тому, что окружающий мир подчиняется ему, заискивает и даже боится его.

Все, чего он хотел — будь то многомиллионные бизнес-проекты, перспективные земельные участки или таланты в какой-либо сфере, — почти всегда оказывалось в его руках. Даже если возникали препятствия, это была лишь честная игра с равными соперниками, в которой он в конечном итоге всегда побеждал благодаря капиталу, точному расчету или жестким методам.

Но в этот раз, столкнувшись с девятнадцатилетним юношей, у которого нет ни власти, ни связей, и который вынужден подрабатывать в баре, чтобы свести концы с концами, все его методы, которые он считал достаточно мягкими, терпеливыми и даже уважительными — сначала дорогой подарок, затем легальное и щедро оплачиваемое предложение о работе — потерпели крах.

Этот молодой человек по имени Фан Синхэ был словно странное семя, проросшее в расщелине скалы — его оболочка оказалась невероятно твердой. Хо Чжао пытался поливать его мягким дождем из подарков и подпитывать высокооплачиваемой работой, надеясь, что тот прорастет и пойдет по проложенному им пути.

Но парень не только не поддался, он, словно почуяв опасность, еще крепче вцепился корнями в свою бедную почву, с упрямым молчанием и стойкостью сопротивляясь любой чужеродной доброте, яростно охраняя границы своего мира.

Это ощущение полной потери контроля вызывало у Хо Чжао крайний дискомфорт.

Он был как гроссмейстер, тщательно выстраивающий партию, делающий изящные ходы, в то время как противник просто отказывался играть по правилам, даже не удостоивая его своим вниманием, а лишь упрямо обороняя свой крошечный клочок земли.

Это равнодушие задевало его больше, чем открытая конфронтация.

Возможно, в системе координат этого бедного студента предложенные условия казались непонятной ловушкой. Но для Хо Чжао это было проявлением редкого терпения, в котором сквозила даже капля признательности.

Он полагал, что парень хотя бы заколеблется, попробует поторговаться — тогда он нашел бы зацепку.

Но Фан Синхэ не стал. Он просто отмахнулся, как от пылинки, решительно и бесповоротно, без единого лишнего слова или вежливости.

Этот полный, не оставляющий шансов отказ нанес по его неколебимой уверенности в себе тонкую, но вполне реальную трещину.

Рябь под названием поражение начала медленно расходиться по его душе, долгие годы остававшейся спокойной гладью.

В этот момент экран его личного телефона, брошенного на диван, загорелся и дважды завибрировал. Пришло новое сообщение от Цинь Юя, предпринимателя, который вечно пытался заискивать перед ним: Господин Хо, завтра обещают хорошую погоду, на поле для гольфа Сишань обновили газон. Не найдется ли у вас свободного времени утром, чтобы составить мне компанию? Заодно доложу о последних успехах по проекту в восточной части города.

Хо Чжао холодно скользнул взглядом по тексту, пальцы дрогнули, но он не ответил.

Он обнаружил, что его хладнокровие, которым он так гордился, сейчас пошатнулось из-за отношения какого-то бедного, но упрямого студента из далекого университета.

Это чувство было ему незнакомо.

И очень... неприятно.

Он положил сигару обратно рядом с изысканной шкатулкой, глубже погрузился в тени дивана и закрыл глаза.

В темноте перед ним отчетливо возникли глаза Фан Синхэ — ясные и твердые, в которых даже в мерцающем свете бара читалась едва уловимая неприязнь и настороженность.

Чувство поражения, словно самый мощный катализатор, лишь разожгло в нем еще более глубокий и сильный интерес.

<http://bllate.org/book/19580/1920026>